Станислав ГРОФ, Джоан ХЭЛИФАКС

ПСИХОДЕЛИЧЕСКАЯ ТЕРАПИЯ УМИРАЮЩИХ ЭКСПЕРИМЕНТЫ С ЛСД

Наш опыт работы с людьми, умирающими от неизлечимых заболеваний, был тесно связан с разработкой психоделической терапии, то есть обширной программы ускоренной психотерапии с применением веществ, вызывающих изменение состояния сознания, наподобие диэтиламида лизергиновой кислоты (ЛСД) и дипропилтриптамина (ДПТ). Хотя данный вид лечения и является прямым следствием развития современных фармакологических и клинических исследований, у него есть близкие аналоги в различных современных незападных культурах, а его истоки теряются в доисторическом прошлом и шаманских ритуалах, а также в лечебных церемониях многих древнейших цивилизаций.

Предположение о возможном применении галлюциногенов для терапии неизлечимо больных впервые было высказано педиатром Валентиной Павловной Уоссон. В результате многолетних этномикологических исследований она и ее супруг Гордон Уоссон заинтересовались употреблением грибов, содержащих галлюциногены, в разных культурах, существовавших в Америке до появления там европейцев, а также в современной Центральной Америке. Уоссоны провели несколько полевых исследований в Мексике и, наконец, в июне 1955 года стали первыми европейцами, допущенными к священному ритуалу, проводимому масатекской курандерой - знахаркой Марией Сабиной. Мощное воздействие грибов, съеденных ими в ходе церемонии, произвело на Уоссонов глубокое впечатление. Французский миколог Роже Хейм, к чьей помощи они прибегли, определил грибы по принятой в ботанике классификации, как относящиеся к виду Psilocybe mexicana или сходные с ним. Затем он послал образцы для проведения химического анализа в лабораторию швейцарской фармацевтической фирмы "Сандоз". В 1957 году Валентина Павловна

дала интервью журналу This Week, в котором рассказала историю открытия и описала свои ощущения после принятия мексиканских священных грибов. Она высказала мнение, что если удастся выделить активный ингредиент и обеспечить его достаточный запас, то этот ингредиент может стать важнейшим инструментарием в изучении психических процессов. Кроме того, г-жа Уоссон заявила, что после изучения возможно применение препарата в медицине, предположительно, для лечения алкоголизма, наркомании, душевных расстройств и неизлечимых заболеваний, сопровождающихся сильными болями. Спустя несколько лет некоторые исследователи из Балтимора провели независимые испытания достоверности ее необычных видений. Группа психиатров и психологов Мэрилендского центра психиатрических исследований, незнакомых со статьей в This Week, занималась систематическим изучением возможностей психоделической терапии с помощью ЛСД (препарата, весьма близкого псилоцибину) для использования в предсказанных Валентиной Уоссон случаях. Мы были удивлены, обнаружив газетную вырезку в библиотеке Гордона Уоссона во время визита к нему в 1974 году.

Следующий импульс, усиливший интерес к приему умирающими галлюциногенов, исходил не от врача или бихевиориста, а от писателя и философа Олдоса Хаксли. Последний глубоко интересовался как феноменом смерти, так и религиозным и мистическим опытом, вызванным употреблением галлюциногенов. Необычайно чутко и проницательно он помогал своей первой жене Марии, когда в 1955 году она умирала от рака. В предсмертные часы он применил технику гипноза с целью пробудить воспоминания об экстатических переживаниях, несколько раз спонтанно возникавших в ее жизни. Хаксли явно стремился облегчить предсмертные переживания, направляя жену в эти мистические состояния сознания по мере приближения смерти. Данный глубоко личный опыт отражен в его романе "Остров", где одна из героинь по имени Лакшми умирает в очень сходных обстоятельствах. В письме, адресованном Хамфри Осмонду, психиатру и пионеру в области психоделических

исследований, познакомившего его с ЛСД и мескалином, Хаксли писал:

"То, что я пережил с Марией, убедило меня: живущий может многое сделать для облегчения предсмертного состояния, для поднятия самого что ни на есть физиологического акта человеческого существования на сознательный уровень, а может даже и на духовный".

У лиц, знакомых с действием галлюциногенов, а также с личной биографией Хаксли, не возникает сомнений, в том, что "сома" из "Нового смелого мира" и препарат "мокша" в "Острове" - галлюциногены, по действию подобные ЛСД, мескалину и псилоцибину. В романе препарат "мокша" дает обитателям Острова возможность пережить мистические озарения и освобождает их от страха смерти, предоставляя одновременно возможность жить более полной жизнью. В другом письме Хамфри Осмонду, написанном еще в феврале 1958 года, Хаксли ясно излагает свою идею серьезно рассмотреть возможность приема ЛСД умирающими:

"...и еще один проект: введение ЛСД неизлечимым раковым больным в надежде, что это позволит сделать процесс смерти более духовным и менее физиологичным".

Согласно сведениям, полученным от его второй жены Лауры, Олдос Хаксли упоминал по нескольким поводам, что "предсмертные обряды должны усиливать, а не ослаблять сознание, подчеркивать, а не уменьшать человечность". В 1983 году, сам умирая от рака, он продемонстрировал серьезность своей идеи. За несколько часов до смерти он попросил Лауру дать ему 100 микрограмм ЛСД, чтобы облегчить себе уход. Это волнующее переживание описано Лаурой Хаксли в книге "Сей вечный миг".

Предложение Олдоса Хаксли, хоть и подкрепленное уникальным личным примером, в течение нескольких лет не оказывало влияния на исследователей медицины. Новый импульс пришел из довольно

неожиданного источника и не был связан с идеями и усилиями О.Хаксли. В начале 60-х годов Эрик Каст из Чикагской медицинской школы изучал воздействие различных препаратов на болевые ощущения в поисках хорошего и надежного обезболивающего средства. Он заинтересовался ЛСД и оценил его как перспективное вещество из-за необычного характера воздействия. Каст узнал, что ЛСД имеет тенденцию вызывать заметное искажение восприятия тела и изменения в физических ощущениях. Более того, ЛСД, видимо, нарушает способность концентрироваться и избирательно фокусирует внимание на особых физиологических ощущениях. Таким образом, у лиц, находящихся под воздействием ЛСД, простые визуальные впечатления могут подавлять боль и инстинкт самосохранения. Оба фактора - воздействие ЛСД на восприятие тела и способность препарата влиять на отношение организма к сигналам из внешнего мира - представлялись заслуживающими дальнейшего изучения из-за возможности использовать их для изменения восприятия физической боли.

В статье, опубликованной в 1964 году, Каст и Коллинз описали результаты исследования, в котором предполагаемые обезболивающие свойства ЛСД сравнивались с двумя признанными и мощными препаратами - дигидроморфином (дилаудид) и менеридином (димерод). Исследование проводилось на группе пациентов из 50 человек, страдавших от сильных физических болей, в том числе 39 - с разными типами раковых заболеваний неодинаковой тяжести, 10 - с гангреной ступней или ног и 1 больной с тяжелой формой опоясывающего лишая. Результаты статистической обработки данных показали, что обезболивающий эффект ЛСД превосходит действие как дилаудида, так и димерода. Кроме снятия болей, Каст и Коллинз заметили, что некоторые из пациентов демонстрируют поразительное пренебрежение тяжестью ситуации, в которой находятся. Эмоциональный фон их частых бесед о неизбежной смерти был абсолютно нетипичен для нашей культуры. В то же время было совершенно ясно, что в их положении это оказывалось единственным выходом.

В проведенном позднее исследовании 128 больных с неоперабельной формой рака Каст более детально проанализировал некоторые свои предыдущие открытия. На этот раз его интересовало не только обезболивающее действие ЛСД, но и влияние препарата на изменение эмоций, сон, отношение больных к болезни и смерти. Учитывая, что при этом не проводилось никакой психотерапевтической обработки и пациентам даже не сообщали о введении ЛСД, результаты были удивительны. У многих больных через два-три часа после введения 100 микрограмм препарата резко снижалась боль, в среднем на двенадцать часов. Интенсивность боли у группы в целом (но не обязательно у каждого ее члена) была уменьшена на три недели. В течение десяти дней после введения ЛСД наблюдалось улучшение сна и понижение тревожности по поводу болезни и смерти.

В 1966 году Каст опубликовал еще одну работу, более подробно трактующую влияние ЛСД на религиозные и философские переживания и воззрения пациентов. Изучаемая группа состояла из 80 неизлечимых больных, чей предположительный срок жизни измерялся неделями или месяцами, и каждый из них знал об этом. В отличие от предыдущих исследований, сеансы ЛСД прерывались внутримышечным введением 100 миллиграммов хлорпромазина в случае появления чувства страха, паники, неприятных галлюцинаций либо желания отдохнуть. Положительное воздействие одного приема 100 микрограммов ЛСД на физическую боль, настроение и сон соответствовало предшествующим результатам. Кроме того, Каст описал различные облегчавшие положение изменения, происшедшие у пациентов. Он отметил улучшение контактности с исследователем и между собой, что укрепляло их дух, поднимало самоуважение, сплачивало и объединяло их. Важно также отметить появление после приема ЛСД "счастливого океанического чувства", длившегося до 12 дней. Каст ясно сформулировал, что философские и религиозные взгляды больных на смерть претерпели определенное изменение, не отраженные в приводимых им цифровых данных и графиках.

Несмотря на наличие, с точки зрения современного врача, специалиста по ЛСД-терапии, некоторых погрешностей, историческая важность работ Каста не подлежит сомнению. Он не только открыл ценность ЛСД как обезболивающего средства для некоторых пациентов, страдающих от неустранимых болей, но и получил первые экспериментальные подтверждения предположения Олдоса Хаксли о том, что введение препарата может облегчить кончину раковым больным. В конце последнего исследования Каст, сославшись на наблюдения, заявил, что ЛСД не только способен облегчить положение умирающих, сделав их более контактными с окружением и семьей, но и повышает их способность переносить тяготы и передряги повседневности. ЛСД приносит эстетическое удовлетворение, "заново формирует желание жить и придает вкус впечатлениям, а также, несмотря на наличие гнетущего темного фона и постоянный страх, открывает захватывающую и многообещающую перспективу".

Ободряющие результаты работ Каста подвигли Сиднея Коэна - известного психиатра из Лос-Анджелеса, друга Олдоса Хаксли и пионера исследований ЛСД - разработать и внедрить программу психоделической терапии умирающих от рака. К сожалению, итоги его исследований и детали применяемых им методик никогда не публиковались. В 1965 году Коэн высказал мнение о перспективах психоделической терапии умирающих, основываясь на своих предварительных экспериментах с небольшой группой больных. Он заявил, что его изыскания подтвердили открытое Кастом благотворное воздействие ЛСД на сильную физическую боль и высказал предположение, что когда-нибудь, возможно, разработают методику применения ЛСД для изменения переживаний умирающих. Коэн ясно представлял важность подобной исследовательской инициативы. Он писал: "Кончина человека должна носить достойный, более гуманистический характер: он не должен ощущать себя покинутым, изолированным, - это и является сегодня одной из величайших проблем медицины".

Сотрудник Коэна Гарри Фишер позднее опубликовал статью, в которой обсуждал личные и межличностные проблемы, встающие перед умирающими. В данном контексте он указал на важность трансцендентальных переживаний - спонтанных, то есть появляющихся в результате различных видов духовной практики, или же - возникающих под воздействием психоделиков. Благодаря такому переживанию человек перестает беспокоиться о своей физической кончине и начинает воспринимать ее как естественный феномен круговорота сил жизни. Подобное приятие смерти резко меняет жизненный стиль индивида. Он больше не относится к происходящим переменам со страхом и болью, не чувствует зависимости от них и не впадает в панику. Пациент скорее жаждет поделиться новым знанием с родными и близкими. Фишер обсуждает применение ЛСД-терапии в рамках исследовательского проекта, в ходе которого названный препарат сравнивался с разрабатываемым средством для обезболивания, а на подготовку больного отводился лишь час. Несмотря на такое ограничение, Фишер сообщает о поразительных результатах: снижении интенсивности болей, психологическом последействии препарата и примирении больных с неизбежностью кончины.

Другая серия исследований, позднее сведенных в концепцию психоделической терапии умирающих, возникла в Чехословакии, в Пражском научно-исследовательском институте психиатрии. Группа сотрудников института, возглавляемая Станиславом Грофом (соавтором настоящей книги), в начале шестидесятых годов проводила эксперименты по оценке перспективности использования ЛСД для исследования личности и лечения психических расстройств. Эти эксперименты привели к созданию методики, объединяющей серьезный психологический подход с лечебными сеансами, в ходе которых применялся ЛСД. Хотя в своих первоначальных формах метод основывался на теории и практике психоанализа, с течением времени он подвергся существенной модификации и превратился в самостоятельную лечебную методику, объединяющую работу в сфере психодинамики с акцентированием трансперсонального и трансцендентального опыта.

На предварительной фазе работы все пациенты, страдающие разнообразными психическими расстройствами, проходят через ряд ЛСД-процедур, в ходе которых рано или поздно переступают психоаналитические границы и спонтанно выбрасываются в некие эмпирические миры. На протяжении веков такие миры описывались различными учениями, как достижимые посредством следования мистическим традициям, участия в храмовых мистериях, ритуалах перехода в древних культурах, а также культурах, не достигших технологической фазы развития. Самыми общими, но и наиболее важными явлениями, возникавшими во время сеансов, были переживания смерти и возрождения, сопровождаемые чувством космического единства. Такое реальное столкновение с собственной бренностью оказывалось для пациента весьма сложным феноменом, обладающим биологическими, эмоциональными, интеллектуальными, философскими и метафизическими параметрами. Подобные переживания, видимо, имели весьма позитивные последствия для душевнобольных. Некоторые впечатляющие улучшения различного рода психопатологических состояний были зарегистрированы непосредственно после переживания феномена смерти-возрождения и, особенно, после переживания чувства единства с миром.

Приведенные выше наблюдения наводят на мысль о существовании сложного целительного механизма, до сих пор неизвестного западной психиатрии и психологии, и значительно превосходящего то, что применяет обычная психотерапия.

Многие индивиды, самостоятельно пережившие опыт смерти и возрождения, сопровождаемый, по их воспоминаниям, чувством космического единства, сообщали об изменении своего отношения к умиранию. Их взгляды на смерть претерпели резкую трансформацию. Исчез страх перед биологической тленностью, они стали допускать возможность существования сознания после клинической смерти. У них также появилась тенденция рассматривать процесс смерти скорее как приключение в сфере

сознания, нежели как принципиальную биологическую катастрофу. Те из нас, кто занимался данными исследованиями, к своему великому удивлению, регулярно наблюдали процесс, поразительно сходный с мистическим посвящением и подобный переживаниям, описанным в тибетской или египетской "Книгах мертвых".

Утверждения об изменении отношения к смерти были столь частыми, что нам показалось важным проверить реальность их практического применения. Было очевидно, что такое глубинное изменение сознания может оказаться весьма полезным для умирающих, особенно для страдающих хроническим и неизлечимым недугом. С.Грофу представилась возможность заняться с несколькими раковыми больными. Предварительное изучение показало, что снижение страха смерти, зарегистрированное ранее как результат ЛСД-терапии душевнобольных (большинство которых были молоды и физически здоровы), может иметь место и у тех, для кого проблема смерти является насущной. К тому моменту пражская группа начала серьезное обсуждение возможности вести систематическую работу с умирающими, и Гроф разработал программу, включавшую серию сеансов ЛСД с целью воздействия на умирающих раковых больных. Однако осуществление планов было прервано в связи с предложением автору стипендии американским фондом психиатрических исследований в Нью Хэвене, штат Коннектикут, что привело к отъезду Грофа в Соединенные Штаты.

По прибытии в Балтимор в марте 1967 года, он присоединился к группе ученых, работающих в научно-исследовательском отделе больницы "Спринг Гроув" штата Мэриленд. (Позднее больница стала базовой клиникой управления клинических исследований недавно созданного Центра психиатрических исследований штата Мэриленд.) Работая здесь, С.Гроф, к своему удивлению, обнаружил, что незадолго до его приезда группа заинтересовалась исследованием возможностей психотерапии с использованием ЛСД для уменьшения эмоциональных и физических страданий раковых больных. Последовательность событий, привлекших интерес ученых к данной проблематике, была вкратце такова: с 1963 года ряд психиатров,

психологов и работников социального обеспечения занимался в "Спринг Гроув" изучением действия сжатого курса психотерапии, включавшего использование ЛСД с целью воздействия на отношение к спиртному, психологический статус и социальную адаптацию алкоголиков. В параллельном исследовании терапевтический потенциал нового вида лечения проверялся на группе невротиков. При оценке результатов, основывающихся на данных опроса пациентов и на психологическом тестировании, выяснилось, что симптомами, наиболее поддающимися воздействию психоделической терапии, являются депрессия и тревожность.

В 1965 году, когда работы, касающиеся алкоголиков и невротиков, были в полном разгаре, научная группа "Спринг Гроув" впервые непредвиденным и трагическим образом обратила внимание на потребности раковых больных. У профессионального члена группы Глории, женщины лет сорока с небольшим, развилась карцинома груди. Грудь удалили, однако при последующем хирургическом вмешательстве были обнаружены неоперабельные метастазы в печени. Пребывая пока на амбулаторном режиме, она испытывала глубокие эмоциональные и физические страдания. Глория полностью осознавала свое положение, не обольщалась относительно будущего и вместе с коллегами находилась в отчаянии. Основываясь на данных о снятии депрессии и тревожности у душевнобольных в результате психотерапии с применением ЛСД, психолог и член лечебной группы Сидней Вулф предположил, что процедура психоделической терапии может помочь Глории. Представлялось вероятным, что ее депрессия и тревожность, хотя и носящие реактивный характер и вполне объяснимые тяжелой жизненной ситуацией, все же могут поддаться ЛСД-терапии, как это обычно происходило при иных психогенных состояниях.

После обсуждения вопроса с мужем, ее лечащим врачом, с согласия всех заинтересованных сторон был разработан курс психоделической терапии с Сиднеем Вулфом в качестве лечащего врача. Лечебным планом "Спринг Гроув" предусматривалось в ходе краткого, но интенсивного психотерапевтического сеанса добиться с

помощью галлюциногенов вызова пикового переживания. Подготовка продолжалась немногим более недели. Основное внимание уделялось анализу личности и существовавшим межличностным отношениям. Как только удалось удовлетворительно разобраться в большинстве важных моментов, сразу же был проведен сеанс с введением 200 микрограммов ЛСД в условиях, сходных с применяемыми для душевнобольных. Результат эксперимента, прокладывавшего путь будущим исследованиям, оказался весьма примечательным. После тщательных приготовлений, нескольких бесед без использования лекарств и единичного приема ЛСД психоделическое переживание, возникшее у Глории, видимо, изменило характер последних дней ее жизни. Вскоре после сеанса ЛСД-терапии она отправилась отдыхать с мужем и детьми, а вернувшись, через две недели после сеанса написала ретроспективный отчет.

"За день до приема ЛСД я была полна тревоги и страхов. В тот момент я с удовольствием отказалась бы от опыта. К концу подготовительного периода практически вся тревога ушла, процедура и инструкции были понятны. Ночь я спокойно провела дома. Пришли мои близкие друзья, и мы разглядывали семейный альбом фотографий, вспоминая счастливые времена. Сон был глубоким и спокойным. Я проснулась отдохнувшей и практически не испытывала чувства страха. Я чувствовала себя готовой к испытанию и стремилась к нему. Утро было прекрасным: прохладным и свежим. Вместе с врачом я прибыла в здание, где должна была получить ЛСД. Члены управления ждали меня, чтобы пожелать успеха. Все это было приятно.

В процедурной на столе стоял прекрасный темно-красный бутон розы, покрытый каплями росы, но, к сожалению, менее ароматный, чем другие сорта. Рядом была ваза, наполненная влажными сочными фруктами. Я сразу же получила первую дозу и села разглядывать фотографии из своего семейного альбома. Постепенно движения становились неуверенными, и я почувствовала себя неловкой. Меня уложили, закрыв уши и надев повязку на глаза. В какой-то момент я

получила вторую дозу ЛСД. Эта стадия характеризовалась в основном беспокойством. Ранее меня проинструктировали, как себя вести в случае возникновения боли, страха или других затруднений. Я была готова испытать свою способность взглянуть в глаза открывающейся неизвестности и преодолеть трудности. Я была готова, но кроме физического ощущения неудобства и небольшого головокружения ничего не происходило.

Примерно в это время я влилась в музыку, и она унесла меня. Я настолько ощущала единство со звуком, что когда проигрываемая мелодия прерывалась, пусть на мгновенье, я живо ощущала паузу и с нетерпением ожидала вступления в следующий круг путешествия. Мы играли в прекрасную игру. Что будет дальше? Будет ли это могущественным, нежным, искрящимся или мрачным? В ту минуту я чувствовала, что меня как бы дразнят, но так добро, так мягко. Мне хотелось смеяться оттого, что я понимаю суть намеков, и мне было все равно, где я, грустна или исполнена трепета. Как только музыка начиналась, она снова уносила меня. Всего открывшегося я не помню.

В основном вспоминаются два переживания. Я находилась в безграничном, лишенном времени мире, там не было ни атмосферы, ни красок, ни образов, но, возможно, был свет. Внезапно я осознала, что являюсь мигом времени, созданным теми, кто жил до меня, и сама я, в свой черед, - создатель других. Это был мой миг; моя основная задача была выполнена. Будучи рождена, я придала смысл существованию родителей.

И вновь - в пустоте, одна, вне границ времени и пространства. Жизнь сжималась снова и снова, доходя до мельчайшего всеобщего основания. Я не в состоянии восстановить логику переживания, но до боли ясно понимала, что суть жизни есть любовь. В этот момент я почувствовала, что выплываю в мир, ко всем людям, но особенно - к наиболее близким мне. Я долго плакала над потерянными годами, над поисками себя не там, где следовало, над упущенными

возможностями, над растраченной в погоне, непонятно за чем, энергией чувств.

Несколько раз после короткого перерыва я вновь погружалась туда, но всегда выходила на вариации одних и тех же тем. Музыка все несла и поддерживала меня. Иногда во время передышек я явно ощущала запах персиков. Роза была ничто в сравнении с плодом. Фрукт был нектар и амброзия (жизнь), роза же - лишь прекрасным цветком. Когда, в конце концов, мне дали нектарин, он был квинтэссенцией тонкого, сильного аромата.

Как только я стала приходить в себя, я очутилась в свежем проветренном мире. Работники управления приветствовали меня, и я ощущала радость не только за себя, но и оттого, что смогла пережить нечто, что эти люди, заботившиеся обо мне, хотели. Я чувствовала себя очень близкой к большому кругу людей. Позже, когда пришли домашние, я ощутила такие связи между нами, каких не чувствовала ранее. Вечером к нам домой пришли и мои родители. Все заметили перемену во мне. Говорили, что я излучаю свет и, кажется, пребываю в покое. Я чувствовала то же самое. Что изменилось для меня? Отныне я живу и ощущаю жизнь. Некоторые из моих физических симптомов прошли: сильная слабость, часть болей. Иногда я по-прежнему раздражаюсь и кричу. Я все та же я, однако более умиротворенная. Моя семья ощущает это, и мы сблизились. Все, кто хорошо меня знает, говорят, что это был хороший опыт".

Через пять недель после сеанса у Глории неожиданно развился асцит (скопление серозной жидкости в брюшной полости), ее пришлось вновь госпитализировать. Она тихо скончалась спустя три дня.

Результат инициативы Сиднея Вулфа был столь обнадеживающим, что персонал "Спринг Гроув" принял решение продолжить исследование возможностей психоделической терапии для облегчения страданий умирающих от раковых заболеваний. Группа широко мыслящих хирургов из Синайской больницы в Балтиморе,

заинтересовавшаяся методикой, предложила сотрудничество и согласилась направлять своих пациентов для прохождения ЛСД-терапии. Еще три человека лечились в тот период у психолога Санфорда Унгера, сыгравшего в свое время важную роль в деле организации на базе "Спринг Гроув" исследований алкоголиков и невротиков.

Следующий важный шаг в этом направлении был сделан в конце 1967 года, когда Уолтер И. Панке присоединился к исследовательской группе "Спринг Гроув". Он сыграл ключевую роль в трансформации ее первоначального интереса в систематическую предварительную работу, а затем - в научный проект. Образование Панке было идеальным для подобной работы: он окончил Медицинскую школу Гарварда, имел докторскую степень в области сравнительного изучения религий и степень в области богословия.

Трудно представить себе более продуктивное поле деятельности, объединяющее медицину, психологию и религию, нежели психоделическая терапия умирающих. С необычайной энергией, энтузиазмом и самозабвением Панке взял на себя роль ведущего исследователя в проекте, связанном с людьми, страдающими раковыми заболеваниями. После предварительных изысканий он сумел получить финансовую поддержку Фонда Мэри Рейнольдс Бэбкок и начал программу научных исследований психоделической терапии с применением ЛСД. Позже он предложил аналогичную программу, в которой вместо ЛСД применялся кратковременно действующий галлюциноген дипропилтриптамин (ДПТ).

Жизнь и работа Уолтера Панке резко и трагично оборвалась в результате несчастного случая 10 июля 1971 года. Во время летнего отдыха на своей даче в Мейне он не вернулся из очередной подводной экспедиции. Ни тело, ни снаряжение для подводного плавания не были найдены, и происшествие осталось окутанным тайной. Это была большая потеря для исследовательской группы "Спринг Гроув" и с профессиональной, и с личной точки зрения. После смерти Уолтера С.Гроф взял на себя ответственность за проект

терапии раковых больных, избрав его основным направлением своей научной деятельности и интересов. Целью Грофа было не только завершение исследования и получение достаточного количества данных, но и создание теоретической системы, способной истолковать хотя бы некоторые из поразительных изменений личности, происходивших в результате ЛСД-терапии. На том этапе нам представлялось важным подвергнуть тщательному анализу наблюдения, полученные в ходе сеансов по приему ЛСД здоровыми добровольцами, психическими больными и умирающими, а также сформулировать всестороннюю теорию ЛСД-терапии, основывающуюся на новой модели подсознания.

В 1972 году после прихода в исследовательский коллектив помощником врача и консультантом-антропологом Джоан Хэлифакс, второго автора этой книги, работа получила еще одно перспективное направление. Отныне мы могли объединить наш научный багаж из областей экспериментальной психиатрии и медицинской антропологии и осмыслить полученные результаты на новом культурологическом уровне. Именно в ходе подобного междисциплинарного взаимообогащения, обмена наблюдениями и данными, - когда мы работали, как лечебная диада, - стали зарождаться и кристаллизоваться идеи, нашедшие выражение в книге.

ПОСМЕРТНЫЙ ПУТЬ ДУШИ: МИФ И НАУКА

В предыдущих главах мы детально обсудили переживания смерти и трансперсональные явления, возникающие в ходе психоделических сеансов. Показали их сходство с переживаниями в момент действительного наступления клинической смерти, а также в разных ситуациях, чреватых летальным исходом. Теперь мы воспользуемся этими наблюдениями, чтобы исследовать спорные проблемы существования сознания по ту сторону смерти, жизни после смерти и загробного путешествия души. Глубокая убежденность в наличии потустороннего мира несомненно облегчает процесс умирания, хотя само по себе это наличие не является достаточным обоснованием справедливости данных концепций в глазах большинства жителей Запада, постоянно

устремленных к знаниям и правде. Основной критерий для принятия или отбрасывания той или иной идеи в нашей культуре - соответствие этой идеи научным данным и сегодняшнему уровню знания.

В современной литературе по психологии и психиатрии концепции посмертного существования и загробного путешествия души рассматривались, в основном, как проявление примитивного магического мышления или как выражение неспособности признать факт бренности и смерти. До недавнего времени подобные описания странствий души едва ли вообще воспринимались, как реальность, за которой может стоять определенный опыт, а не как фантазии, продуцируемые желанием. В настоящее время мы начинаем понимать, что западная наука несколько поспешила с вынесением обвинительного приговора древним системам мышления. Если тщательно и непредвзято исследовать отчеты, описывающие субъективные переживания состояния клинической смерти, то можно убедиться, что они содержат обширные доказательства того, что различные эсхатологические мифологии представляют собой реальную картографию необычных состояний сознания, испытанных умирающими. В результате проводимых в течение двух последних десятилетий психоделических исследований были получены важные феноменологические и нейрофизиологические данные. Они указывают на то, что переживания, происходящие перед, во время и после смерти и в которых присутствуют сложные мифологические, религиозные и мистические эпизоды, вполне могут представлять собой медицинскую реальность. Ниже мы попытаемся объединить древние знания и мифологию дописьменных культур с новейшими сведениями клинических и лабораторных исследований и предложить новый подход к пониманию переживаний, связанных со смертью.

В различных культурах концепция загробного существования имеет множество конкретных форм. Но лежащая в ее основе фундаментальная идея остается одной и той же: смерть не является абсолютным концом человеческого существования, а жизнь или

сознание в том или ином виде будет продолжать существовать после физической кончины тела. Иногда образ потустороннего мира носит вполне конкретный, реальный характер, не слишком-то отличающийся от земного.

Чаще, однако, запредельные области обладают особыми чертами, не характерными для всего известного на земле. Вне зависимости от степени знакомства с реалиями той сферы, куда попадает душа, ее путь в загробный мир часто рассматривается как сложный процесс перехода и метаморфоз, - через многие уровни и области.

Сравнительное изучение концепций потусторонней жизни и загробного пути души выявляет поразительные совпадения между культурами и этническими группами, географически и исторически разделенными. Повторение определенных мотивов весьма примечательно. Идея существования конечного приюта всех праведных по ту сторону жизни - в раю или на небесах - возникает во многих вариациях. Так, в христианской традиции существует два разных представления о Небе. Первое отражает теологическую и метафизическую концепцию небес как царства, в котором ангельские чины и святые наслаждаются присутствием Бога, созерцая Его бытие. Символика, связанная с данной концепцией, объединяет еврейский образ этого царства с древнегреческими представлениями о концентрических небесных сферах и о духовном пути. Представления же о рае или Саде Любви базируются на мифе о Золотом веке и на образе Эдемского сада. И здесь символика включает в себя некое географическое местоположение, элементы девственной природы, золотые стены и дороги, вымощенные изумрудами.

Коран обещает правоверным рай, отражающий вкусы мужской части арабского населения. Он представляет собой прекрасный оазис с садами, реками и цветущими деревьями. Мужчины одеты там в шелковые одежды и возлежат на кушетках, наслаждаясь фруктами и вином. Многочисленные толпы черноглазых гурий услаждают правоверных мусульман. Удовлетворив сексуальные желания своих

повелителей, они вновь обретают девственность. Античные греки верили в существование островов Блаженных и Елисейских полей, находящихся по ту сторону Атлантического океана, на краю земли. Там прекрасный климат, не бывает дождя, снега или сильного ветра, а плодородная почва трижды в год рождает фрукты, сладостью подобные меду. Орфики, считавшие, что спасение заключается в освобождении от материи и земных оков, рассматривали Елисейские поля как место радости и отдыха для чистых духов. Вначале эти поля покоились в подземном мире, заполненном странным сиянием, а затем в верхних областях неба.

Ацтеки различали три разных рая, куда устремлялись души после смерти. Первым и самым низким из них был Тлалокан - страна воды и тумана, место изобилия, благословенности и покоя. Счастье, испытываемое там, было весьма похоже на земное. Мертвые пели песни, играли в чехарду и ловили бабочек. Деревья сгибались под тяжестью фруктов, на земле обильно росли маис, тыква, зеленый перец, помидоры, бобы и цветы. Тлиллан-Тлапаллан был раем для посвященных, последователей Кецалькоатля - бога-короля, символизирующего воскресение. Этот рай характеризовался как страна бесплотности, предназначенная для научившихся жить вне своего физического тела и не привязанных к нему. Высшим раем являлся Тонатиухикан или Дом Солнца. Судя по всему, здесь обитали лица, достигшие полного озарения. Привилегированные, избранные ежедневными спутниками Солнца, жили полной наслаждения жизнью.

В нордической традиции доступ в Валгаллу завоевывался воинской отвагой. Днем воины состязались в единоборстве, а ночью пировали, запивая свинину медом. Индийская мифология насыщена образами небес и райских мест. Согласно древней ведической традиции, Яма, вождь мертвых, правил в царстве света, расположенном на внешнем небе. Пребывание там всех умерших героев было безболезненным и беззаботным. Они наслаждались музыкой, исполнением сексуальных желаний и чувственными радостями. В индуизме заоблачные мифы являются областями

красоты и радости, населены разнообразными божествами. Доступ сюда обретался соответствующим образом жизни и правильным выполнением ритуалов. Буддийские концепции, касающиеся места отдохновения души, во многом базируются на индийской мифологии. В буддизме махаяны имеется строго разработанная иерархия райских областей, населенных божествами и духовными существами. Однако не эти небеса являются конечной целью буддийской религии и философии; они представляют собой временные места отдыха для тех, кто еще не готов отбросить свои желания, привязанности и достичь полного освобождения от оков личности.

Образ рая, как места обитания мертвых, существует во многих местных (имеются в виду североамериканские. - Прим. перев.) туземных культурах. Так, например, некоторые племена североамериканских индейцев, типа аджибуев, чокто и сиу, верят, что покойники живут там, где заходит солнце или происходит удачная охота. Некоторые из эскимосских племен видят своих усопших в лучах северного сияния, радостно играющих с головой кита. В мифологической картине мира африканской народности тумбука, населяющей Малави, существует область духов, расположенная в подземном мире, где умершие вечно остаются молодыми и никогда не бывают несчастными или голодными.

Так же повсеместны представления об аде или чистилище, то есть месте, где усопшие будут подвергнуты бесчеловечным пыткам. В еврейской традиции мертвецы идут в Шеол, являющийся колоссальной ямой или городом, окруженным стенами, "страной забвения", "страной молчания". Там они живут в темноте и невежестве, окутанные пылью, покрытые червями и забытые Иеговой. Геенна - это глубокая долина, заполненная полыхающим огнем, где грешники мучаются в пламени. Христианская картина ада включает в себя иерархию злобных чертей, подвергающих проклятых пыткам физической болью, удушением и жарой. Ад расположен глубоко под землей. Входы в него находятся в темных лесах, вулканах, туда ведет также разинутая пасть Левиафана. В Апокалипсисе упоминается озеро, горящее огнем и серой -

последнее местопребывание "боязливых и неверных, скверных и убийц, любодеев и чародеев, идолослужителей и всех лжецов". Реже в качестве орудий пытки описываются холод и лед, что соответствует средневековым представлениям о холодном аде, а также последним кругам ада Данте. Пронизывающий холод также характерен для Нифльхейма, нордического подземного мира, управляемого свирепой и безжалостной богиней Хель. Картина ада в исламе весьма соответствует аналогичным образам иудео-христианской традиции, из которой она и возникла.

Греческий подземный мир Аид являлся областью безотрадной тьмы. Гомер описывал его, как "ужасную обитель запустенья, которой страшатся сами боги". Аид расположен либо глубоко под землей, либо на крайнем западе. Главная река подземного царства - Стикс, через которую Харон перевозит мертвых. Те же, кто лично оскорбил Зевса, заключались в бездонную пропасть - Тартар, где подвергались ужасающим мучениям. Страдания Прометея, Сизифа, Тантала и Иксиона были поистине титаническими. В персидском зороастризме ад расположен на крайнем севере, в глубинах земли. Это мрачное место, грязное, вонючее и кишащее демонами. Там души проклятых, "последователей лжи" должны пребывать после смерти в мучениях и горе, пока не будет уничтожен сам Ариман, Владыка Мрака. Подземный мир ацтеков - Миктлан являлся царством абсолютной тьмы, управляемым ужасным владыкой мертвых Миктлантекутли. Его лицо закрывалось маской в форме человеческого черепа; черные курчавые волосы были усеяны глазами, подобными звездам, а из уха торчала человеческая кость. В ацтекской традиции судьба индивида после кончины предопределялась не его поведением, а занимаемым положением и характером смерти. Те из умерших, которые не попадали ни в один из видов рая, подвергались в Миктлане ряду магических судилищ. Они должны были пройти через девять видов ада перед достижением последнего прибежища. Эти разновидности ада не следует рассматривать как места, куда грешники попадали для наказания. Они считались необходимым промежуточным этапом в цикле творения. Сам космический процесс предопределял

погружение всех созданий в материю и затем возвращение к свету и творцу.

В индуизме и буддизме существуют многочисленные виды ада. Подобно таковым рая, они являются не областями, где умершие остаются навеки, а просто переходными стадиями в цикле рождения, смерти и возрождения. Пытки, переживаемые в этих преисподнях, по крайней мере, столь же многообразные, дьявольские и изобретательные, как и описанные в других традициях.

Еще одной повторяющейся темой в эсхатологической мифологии является Суд над мертвыми. Христианское искусство изобилует образами дьяволов и ангелов, сражающихся за душу умершего, а также изображениями Страшного Суда с праведниками, поднимающимися в небеса, и проклятыми, опускающимися в пасть ада. В исламе два ангела - Мункар и Накир - приходят испытать и допросить усопшего. Те, кого сочтут правыми, освежаются воздухом и благовониями, для них открываются врата рая. Порочные облекаются в одежды ада, и перед ними распахиваются двери преисподней. Их охватывают жара и тлетворные испарения; могила закрывается над ними, круша ребра. Они обречены пребывать там в муках вплоть до дня воскресения из мертвых. Мусульманская традиция описывает также Сират - мост над преисподней "тоньше волоса и острее клинка", по которому должны пройти все отошедшие. Верные способны удержать равновесие и успешно миновать его. Неверные поскользнутся и упадут в адскую бездну. Переход по мосту играет важную роль также и в зороастризме. Божество по имени "праведный Рашну" взвешивает дурные и праведные дела умерших. После этого душа умершего проходит особые испытания: она должна попытаться пересечь Синвато Парату или "Мост Разделения". Праведные легко переходят по мосту к вечному блаженству, а грешников хватает демон Визарш.

Самые ранние описания Суда над Мертвыми обнаружены в погребальных текстах, известных как "Египетская книга мертвых", датируемая приблизительно 2400 годом до н.э. Сцена суда,

психостасис, происходит в Зале Двух Истин или Зале Маат. Сердце умершего помещают на чашу точнейших весов, на другую кладут перо богини Маат, символ истины и справедливости. Весами управляет бог Анубис с головой шакала, а рядом бог мудрости и небесный писец Тот с головой ибиса записывает, подобно бесстрастному судье, приговор. Трехчленное чудовище Амемет (крокодил - лев - гиппопотам), Пожиратель Душ, стоит здесь же, готовый проглотить осужденного. Праведных Гор представляет Осирису, допускающему их к благам своего царства.

В тибетском варианте сцены суда держатель истины и справедливости называется Дхарма Раджа, "Царь Истины" либо Яма Раджа, "Царь Мертвых". На нем висят людские черепа, человеческая кожа и змея; в правой руке меч разделения, а в левой - зеркало кармы. Оно отражает каждый добрый или злой поступок усопшего, символизируемый белыми и черными камнями, помещенными на разные чаши весов. Из суда ведут шесть кармических путей, каждый - в свою локу, область, где умерший будет рожден заново в зависимости от добродетелей и проступков. Обычными наказаниями в различных преисподниях нижнего мира являются пытки жарой и холодом, разрубание на куски, накалывание на Древо с Шипами, заливание расплавленного металла в отверстия тела или заключение в страшный ад Авичи, где виновные в страшных грехах подвергаются наказаниям в течение неисчислимых лет.

Судьба, ожидающая умерших, часто выражается в категориях дороги, пути, конкретной последовательности событий. Некоторые из этих описаний кажутся несколько наивными, тогда как другие представляют собой усложненную и изощренную картографию необычных субъективных переживаний. Индейцы племени гуарайо, живущие в Боливии, верят, что после смерти душа должна сделать выбор между двумя дорогами. Одна из них - широкая и удобная, а другая - узкая и опасная. Душе следует удержаться от искушения и, не прельстившись легким путем, выбрать трудный. Ей приходится пересечь две реки, одну на спине гигантского аллигатора, другую - на стволе дерева. Во время путешествия душу подстерегают и другие

опасности. Ей надо пробираться через темную местность при свете горящей соломинки и пройти между двумя сталкивающимися скалами. После успешного преодоления всех опасностей душа достигает прекрасной страны, где цветут деревья, поют птицы и где она вечно будет пребывать в счастье.

Согласно традиционным представлениям индейцев племени уичоли, живущих в Мексике, - в том виде, в каком эта традиция устно передается из поколения в поколение и запечатлена на красочных тканевых рисунках, называемых неарикас, - путь души в мир духов схож с описанным выше, хотя и более сложен. Первая часть пути проходит по прямой дороге, но около места, называемого "Место Черных Скал", находится развилка. Здесь индеец уичоли, у которого чистое сердце, избирает правую тропу, а совершивший кровосмешение либо имевший сексуальную связь с испанцем или испанкой должен отправляться налево. На левой дороге согрешившие индейцы уичоли переживают ряд жутких испытаний. Они протыкаются огромной колючкой, их избивают души людей, с которыми они предавались во время жизни запретным наслаждениям, их сжигает очищающий огонь, дробят сталкивающиеся скалы, они принуждены пить горячую, дурно пахнущую воду, кишащую червями и наполненную грязью. Затем им позволено вернуться к развилке у "Черных Скал" и продолжить свое путешествие по правой тропе, которая приведет к предкам. На этой части пути они должны символически ублажить собаку и ворону, двух животных, с которыми уичоли традиционно плохо обращаются. Потом души встретят опоссума и должны доказать ему, что не ели его мясо - священное для уичолей. Затем они столкнутся с гусеницей, символизирующей первый сексуальный опыт. У дикого фигового дерева души избавятся от гнета сексуальных органов, получив взамен плоды дерева. После крупного празднества с фигами, маисовым пивом и пейотом, все души объединятся и затанцуют вокруг Татевари ("Наш Дед-Огонь").

Концепция посмертного путешествия уичолей имеет кое-что общее с описаниями древних ацтеков. Согласно ацтекской религии,

мертвые проходили ряд испытаний: они должны были переправиться через глубокую реку, охраняемую желтой собакой, пройти между двумя сталкивающимися горами, перебраться через обсидиановую гору, попасть под воздействие ледяного ветра, быть пронзенными острыми стрелами и подвергнуться нападению диких зверей, пожирающих человеческие сердца. Ацтеки прибегали к сложным обрядам, чтобы облегчить посмертные путешествия своих покойных.

Две культуры в истории человечества проявили особое внимание и выказали особое знание, касающееся процесса умирания: египетская и тибетская. Их священнослужители исполняли непростые ритуалы для облегчения последнего перехода и разработали сложнейшие карты, служащие инструкциями в посмертном путешествии души. В письменной форме данные руководства стали известны на Западе под названиями "Египетская книга мертвых" и "Тибетская книга мертвых". Эти два священных текста являются документами, имеющими самое непосредственное отношение к теме данной главы. (Название "Египетская книга мертвых" обманчиво. Тексты, входящие в нее, не составляют всеобъемлющей и связной работы и не принадлежат к одной исторической эпохе, охватывая несколько тысячелетий. Данное заглавие фактически представляет собой перевод названия, даваемого египетскими грабителями свиткам исписанного папируса, который они находили рядом с мумиями: "Китаб аль майитун", что означает "Книга мертвых людей". Древнеегипетское же заглавие было "Перт эм хру", переводимое как "проявление света" либо "наступление дня".)

"Египетская книга мертвых" - заглавие собрания погребальных текстов, которые древние египетские писцы составляли на благо знатного покойника. Они состоят из заговоров, заклинаний, гимнов, плачей, магических формул и молитв. "Книга мертвых" была следствием длительного развития религиозных верований и ритуальной практики. Многие из ее частей могут быть прослежены до ранних собраний погребальных текстов, высеченных

иероглифами на внутренних стенах некоторых пирамид, расположенных в Сахаре ("тексты пирамид"), а позже - на стенках деревянных гробов ("тексты саркофагов"). Первые возникли между 2350 и 2175 годами до н.э. и являются наиболее древними памятниками письменности не только Египта, но всей истории человечества. Однако содержащийся в них материал указывает на еще более древние источники.

От первой до последней строки в текстах проявляется непоколебимая вера египтян в воскресение и бессмертие души. Однако египтологи указали на наличие явного противоречия в этом неоднородном материале. С одной стороны, значительно акцентирована роль бога Солнца и его божественного окружения. Предположительно, данные тексты предоставляли магические средства, способствующие пути умерших на небо, где они будут вечно наслаждаться благословенной загробной жизнью, сопровождая бога Солнца на солнечной барке. Но тексты пронизывает и другая, более старая традиция, связанная с древним богом погребения Осирисом. (Осирис, один из четырех божественных отпрысков египетского пантеона, был убит и расчленен своим злым братом Сетом. Его сестра Нефтида вместе с другой сестрой, а также женой Исидой нашли разбросанные в дельте Нила части тела, собрали их в сыромятную кожу и воскресили Осириса с помощью его сына Гора. В последовавшей затем яростной битве Гор убил Сета и отомстил за отца. Легенда о смерти и воскресении Осириса является ключом для понимания его роли в древнеегипетской мифологии, связанной со смертью, и в мистериях смерти-возрождения.) Мертвец, которого обычно отождествляли с этим богом, мог быть снова пробужден к жизни. Таким образом, сюда включены ритуалы, исполняемые в процессе бальзамирования и погребения, а также гимны, заклинания, мифы, молитвы и магические заговоры.

Согласно египетской мифологии, бог Солнца Атум-Ра днем проплывает в ладье по небу. В час заката солнечная ладья проходит через горную цепь на западе и ночью продолжает путь через Туат,

потусторонний мир и обитель мертвых. Область Туат, называемая Секхет Аару, Тростниковые поля, является царством Осириса, где он живет со своим окружением. Сюда допускались только те, кто благополучно прошел через судилище в Зале Маат. Туат подразделялся на двенадцать областей по числу часов, которые солнечная барка проводила в потустороннем мире ночью. Перед входом в каждую из них находились врата, охраняемые тремя божествами-стражами и представляющие особые опасности для обитателей солнечной ладьи. Спутникам бога Солнца приходилось пробиваться сквозь места, озаряемые огнем, где жара, клубы дыма и ядовитых испарений обжигали ноздри и рты. Ужасные существа, фантастические создания и чудовищные змеи подстерегали их по пути. Самой страшной из опасностей был брат Осириса Сет в образе Аапепа, гигантского змея, пытающегося пожрать солнечный диск. Ежедневно Афу-Ра завершает путешествие через Туат, преодолевает все опасности, с помощью богини-кошки Бастет убивает Аапепа и поднимается над восточными горами, даруя тепло, свет и жизнь. Египтяне полагали, что души умерших проходят через ту же борьбу и превращения, что и Афу-Ра.

"Бардо Тедоль" ("Бардо Тедоль" дословно означает "Освобождение, достигаемое слушанием о посмертной стадии существования") или "Тибетская книга мертвых" относится к гораздо более позднему времени, чем ее египетский аналог и, судя по всему, обладает большей логичностью и согласованностью. Впервые она была записана в восьмом веке н.э. Великим Гуру Падмасамбхавой, принесшим в Тибет тантрический буддизм. Однако она включает в себя куски значительно более древней устной традиции. "Бардо Тедоль" является руководством для умирающих и умерших, наставлением, помогающим отправившимся в путь определять различные фазы промежуточного состояния между смертью и новым рождением и достичь освобождения. Всего тибетцы различают шесть так называемых промежуточных состояний или бардо. Первым является естественное бардо - период внутриутробного существования. Вторым - бардо, в котором пребывают во время сна. Третье бардо достигается в состоянии экстатического равновесия во

время глубокой медитации. Оставшиеся три бардо, детально описанные в "Тибетской книге мертвых", связаны со смертью и новым рождением: бардо момента смерти; бардо, когда в состоянии, подобном сну, наступающему за смертью, переживаются кармические иллюзии; и, наконец, бардо процесса возвращения в существование в сансаре путем устремления к новому рождению.

Первая часть "Бардо Тедоль" - "Чикай Бардо" - описывает события, происходящие на психическом плане в момент смерти. Три главных признака возвещают о наступлении смерти: телесное чувство давления ("земля погружается в воду"), превращение сковывающего холода в лихорадочную жару ("вода погружается в огонь") и возникновение ощущения, словно тело разрывается на мельчайшие частицы ("огонь погружается в воздух"). В момент кончины умирающие видят "Изначальный ясный свет" или "Чистую реальность". Если они не охвачены всепоглощающим напряжением, то могут мгновенно достичь освобождения. Если же замешкаются, - позже им снова представится подобная возможность, в тот момент, когда над ними засияет второй источник ясного света. Упустив и эту возможность, они должны будут проходить через трудную для понимания последовательность духовных событий, в ходе которых их сознание постепенно все более отдаляется от освобождающей истины по мере приближения к новому рождению.

В "Чениид бардо" или "Бардо испытания реальности" описывается обозрение умершими целых пантеонов мирных божеств, озаренных разноцветным сиянием, стражей дверей, яростных божеств, хранителей знания и йогини четырех центральных точек. Одновременно с поглощающим все внимание умершего присутствием данных божеств он воспринимает тусклые разноцветные источники света, указывающие на отдельные локи или миры, в которых может произойти новое рождение: мир богов (девалока), мир титанов (асуралока), мир людей (манакалока), мир животных (тирьякалока), мир голодных привидений (преталока), мир преисподней (наракалока). Притяжение к этим тусклым источникам

света способно помешать духовному освобождению и указать на склонность к повторному рождению.

Если человек упустил возможность достичь освобождения во время пребывания в двух первых бардо, он переходит в состояние, описываемое в части книги, озаглавленной "Сидпа бардо" или "Бардо стремления к повторному рождению". Находящихся на этой ступени умерших предупреждают, чтобы они не желали чудесных кармических способностей, которыми они, как им представляется, обладают в этот момент, и не привязывались к ним. Их тонкие тела, не отягощенные грубой материей, наделены способностью беспрепятственно передвигаться и проходить сквозь плотные предметы. Они могут появляться и исчезать по желанию, менять свои размеры, форму, умножаться и мгновенно переноситься в любое место.

Чувства счастья или горечи, испытываемые в "Сидпа бардо", зависят от кармы умершего. Люди с грузом дурной кармы будут мучиться в данном типе бардо от страха: ужасающих криков, видений людоедов-ракшасов, бряцающих оружием, хищных тварей и разъяренных стихийных сил природы вроде сталкивающихся и крошащихся скал, разбушевавшегося, захлестывающего все моря, гудящего пламени, зловещих расщелин и пропастей. Те же, кто стяжал кармические добродетели, будут наслаждаться различными удовольствиями, а лица с нейтральной кармой столкнутся с бесцветной тупостью и однообразием. Важной частью этого вида бардо является сцена Суда, когда Царь или Судья Мертвых Яма Раджа с помощью кармического зеркала обозревает все поступки умерших и определяет им соответствующую участь.

Во время пребывания в "Сидпа бардо" человек тщетно будет пытаться вновь войти в свое мертвое тело, он найдет его разложившимся или кремированным, захороненным, замерзшим, утонувшим, сожранным хищниками или птицами. В данный момент индивиду важно понять, что все это - лишь бред, производное сознания и, в сущности, ничто. Если этого не произойдет, неизбежно

повторное рождение и, возможно, потребуется бесчисленное количество эпох, чтобы все же выйти из трясины бедствий. Когда перед умершими возникает заря огней шести лок, можно предпринять попытку закрыть врата чрева. "Бардо Тедоль" предлагает несколько способов достижения такой цели: умолять своего бога-покровителя; попытаться постичь, что все возникающее - на самом деле не что иное, как иллюзия, начать медитацию, обращенную к ясному свету; сосредоточиться на цепи добрых дел и положительной карме; избегать влечения к видениям совокупляющихся мужчин и женщин; стремиться к отрешенности от подчинения двойственным эдиповым связям с будущими родителями. Если освобождение не произошло, человек при помощи ярких иллюзий будет неотвратимо направляться к новому рождению. На этом этапе начинают возникать различного рода признаки, указывающие на характер локи, возможного места рождения. При соответствующем направлении своих действий индивид, уже упустивший массу возможностей достичь освобождения в трех бардо, все же в состоянии повлиять на выбор чрева, в котором ему предстоит родиться.

У египетской и тибетской "Книги мертвых" были аналоги в нашей собственной культурной традиции, что мало кому известно. К концу средневековья работы, обозначаемые общим названием "Ars Moriendi", то есть "Искусство смерти", принадлежали к самой распространенной литературной форме во многих европейских странах, особенно в Австрии, Германии, Франции и Италии. Подобный активный интерес к проблемам смерти во многом являлся следствием общей неустойчивости жизни в средние века. Уровень смертности был избыточен: люди тысячами погибали во всевозможных войнах, во время путешествий, от массового голода, эпидемий и антисанитарных условий жизни. Гибель четверти, трети или даже половины всего населения от вспышек чумы не была в то время редкостью. Люди постоянно сталкивались со смертью своих близких, друзей, соседей, и зловещий звук колоколов, возвещавших о кончине, слышался почти непрерывно. Погребальные шествия и процессии были повседневной реальностью. Массовые погребения,

сжигание трупов, публичные казни наряду с сожжениями еретиков и подозреваемых в ведовстве проводились с широким размахом. Разложение и распад, далеко зашедшие и охватившие социальные, политические и религиозные структуры европейских стран, также способствовали развитию эсхатологической литературы. И схоластическая, и мистическая традиции отдали дань этому жанру. Многие выдающиеся теологи считали тему достаточно важной, чтобы посвящать ей время и силы.

В целом литература, относящаяся к "Ars Moriendi", распадается на две большие группы: первая занимается, в основном, вопросами значения смерти в нашей жизни; вторая - более конкретно сосредоточена на вопросах, связанных с переживанием реальной физической кончины, приготовлениями к ней и на уходе за умирающим.

Произведения первой группы правильнее было бы называть "Ars Vivendi" или "Искусство истинной жизни". Повторяющейся темой во многих произведениях этого типа является размышление о смерти, ведущее к презрению по отношению к миру. Ключевая проблема человеческого существования наилучшим образом выражена в латинском изречении "mors certa, hora incerta" то есть "самое определенное в жизни - смерть, самое неопределенное - ее час". Поэтому каждое мгновение следует жить так, словно оно - последнее. Страх смерти - начало всякой мудрости, он вносит в жизнь человека постоянную настороженность и стремление избежать поведения, способного привести к плохим результатам. Нам следует заботиться о том, чтобы жить не как можно дольше, а как можно правильнее. Произведения, осуждающие мир, в символических образах, с помощью притч и метафор описывают бренность и ничтожность всех земных целей. Особо излюбленными мишенями литературы "contemptus mundi" являлись сильные мира сего. В них часто возникали и чины церковной иерархии: епископ, кардинал, папа; и мирские властители: судья, герцог, король, император. Тот факт, что даже такие выдающиеся личности подчиняются той же неизбежной жизненной схеме, как и все прочие,

часто использовался в качестве решающего доказательства правильности изречения Соломона: "Суета сует, - все суета". Сильнейшим доводом для презрения к миру было раздумье над уродством смерти и натуралистическое описание человеческого тела, находящегося на различных стадиях гниения и биологического разложения. Не стоит стремиться к земным радостям, власти, богатству, ибо все это обернется горечью в час кончины. Взамен следует сконцентрироваться на трансцендентальной действительности. (Данные, полученные в ходе исследований, проводимых с использованием ЛСД, проливают совершенно новый свет на средневековую поглощенность проблемами смерти и отрицательными сторонами существования, прежде обычно рассматривавшиеся в контексте социальной патологии, как проявление в целом пессимистических воззрений, враждебных жизни. С этой точки зрения интересно отметить сильнейшее сходство между основными темами литературы, размышлявшей о смерти и осуждавшей мир, с феноменологией кризиса существования, связанного с ситуацией отсутствия выхода на перинатальном уровне. Согласно результатам клинических исследований, полученных в ходе психотерапии с использованием ЛСД, глубокое личное столкновение с наиболее пугающими и отвратительными сторонами человеческого существования не только открывает дверь в духовные миры, но фактически может привести к качественно новому способу существования в мире.)

Тема смерти, столь мощно прозвучавшая в художественной прозе, посвященной раздумьям над кончиной и презрению к миру, нашла выражение в поэзии в виде многочисленных стихов на тему "Memento mori", напоминающих людям об их бренности. Особенно интересными были полемические стихи (Streitgedichte), представлявшие философские и религиозные вопросы жизни и смерти в виде диалогов, ведущихся с различных точек зрения между человеком и смертью, миром и человеком, жизнью и смертью, душою и телом, умирающим и дьяволом. В стихах на тему "Vado mori", то есть "Я иду к своей смерти", умирающие представители различных социальных групп или символические персонификации разных

человеческих качеств делились своими чувствами и размышлениями. Такие стихи во многих отношениях являются предшественниками текстов, которые использовались во время "танцев смерти" (danses macabres, Totentanze). Эти "танцы смерти", распространившиеся во многих европейских странах в масштабах эпидемии, были самым впечатляющим выражением озабоченности тематикой смерти из-за странной силы их психологического воздействия, преодолевающего барьеры пола, возраста и социального положения.

Вторая группа средневековых работ, связанных со смертью, включает в себя тексты, посвященные реальным переживаниям умирающих, а также искусству руководства и помощи отходящим на их последнем пути. Это и есть литература на тему "Ars Moriendi" или "Искусство смерти" в более узком смысле. Ее истоки прослеживаются вплоть до конца XIV века, когда уровень смертности достиг критических размеров, а священники физически не могли лично посещать всех больных, чтобы подготовить их к смерти. В результате многие умирали без духовной помощи "во скопище своих грехов". В таких условиях обеспокоенные представители церкви заинтересовались вопросом подготовки живых к кончине. Обучением искусству проповеди и всему, что следовало знать о смерти и последних делах человека, занялись, в основном, францисканцы и доминиканцы. "Ars Moriendi" было первоначально составлено в качестве пастырского наставления молодым священникам с целью их подготовки для работы с умирающими. Позже, когда число священнослужителей все же оказалось недостаточным, тексты были переведены на народный язык, чтобы сделать их доступными мирянам.

Хотя, на первый взгляд, число этих руководств по проблемам, связанным со смертью, представляется поистине необозримым, многие из них, в сущности, являются незначительно различающимися переводами либо вариантами нескольких первоначальных источников. Представляется возможным вычленить из работ по "Ars Moriendi" несколько основных ходов мысли, а также

определенные повторяющиеся темы. Некоторые из них имели более формальный характер, представляли собой относительно устоявшуюся систему определенных вопросов, адресованных умирающим, на которые требовалось дать "правильные" ответы; стандартный набор конкретных указаний и увещеваний, образцы молитв к Богу, Христу, Марии и архангелу Михаилу. Этот аспект заботы об умирающих самым прямым образом вытекал из ортодоксальных учений, и традиционные христианские представления оказали на него непосредственное воздействие. Однако другие части текстов были связаны с фактическими переживаниями в процессе умирания, хотя и расцвечивались христианской символикой. Из описанных там переживаний особого внимания заслуживают явления, обычно определяемые, как нападение Сатаны. Они возникали в особых состояниях сознания, испытываемых умирающим в последние часы жизни. Церковные власти объясняли их, как следствие попытки дьявола совратить души с пути на небо, вмешавшись в столь важный и критический момент. В большинстве наставлений разбираются пять видов нападения дьявола: серьезные сомнения относительно веры; отчаянье и мучительные угрызения совести; нетерпение и раздражительность вследствие страданий; высокомерие, тщеславие, гордыня; жадность, алчность и прочие земные заботы и привязанности. В некоторых текстах нежелание смириться с приходом смерти добавляется к пяти перечисленным выше. Данным козням дьявола противостоят Божественные воздействия, заранее дающие умирающему возможность ощутить вкус рая, ощущение предстояния перед Высшим Судом, чувство получения помощи свыше и обещание спасения. (Более пристальное исследование этих описаний выявляет, что данная феноменология процесса умирания обладает всеми основными чертами ранее разбиравшихся здесь перинатальных переживаний. Беспомощность, отчаянье, чувство вины, ощущение неполноценности типичны для матрицы "отсутствие выхода". Раздражительность, агрессивность, импульсивность, жадность, чувство собственности, похоть, наряду с элементами Суда относятся к борьбе смерти-возрождения. Цепляние за земные достижения и личную гордыню, а также нежелание подчиниться процессу

наступления смерти являются труднейшими психологическими препятствиями для наступления смерти эго и переживания возрождения. Видения божественного, ощущения благословения, искупления, спасения, а также иные элементы связи с высшими мирами в таком случае суть признаки завершения родового процесса. Эти далеко идущие параллели указывают на то, что многие из описаний в наставлениях для умирающих следует считать скорее картографией, базирующейся на опыте, чем произвольными символическими построениями.)

Еще один важный аспект литературы "Ars Moriendi" - наличие точных указаний уходящему и лицам, поддерживающим его, как себя вести в последние часы. Большинство средневековых наставлений по смерти согласны в том, что подготовка умирающего в решающей степени зависит от создания нужного состояния духа и правильного отношения к кончине. Весьма важно не подавать пустых надежд в отношении выздоровления. Напротив, следует всячески помогать отходящему посмотреть прямо в лицо смерти и принять ее. Неприкрытое признание ее наступления считалось абсолютно необходимым, и избегание его числилось одной из главных опасностей для человека. В некоторых наставлениях ясно сказано: у наставляющих вызывает меньше возражений и, с их точки зрения, умирающему будет причинено менее вреда, если помогающие ему в последние часы вызовут - пусть и ненужное - чувство страха за жизнь. Это лучше, чем позволить отгородиться от реальности и в результате умереть неподготовленным.

Египетская и тибетская "Книги мертвых", наряду с литературой "Ars Moriendi", неизбежно подвергались воздействию соответствующего культурного и религиозного круга, а также особым требованиям своего исторического времени и места. Однако для широко мыслящего исследователя эти работы явятся уникальным источником информации о человеческой психике и сознании. Многие из описаний необычных состояний, переживаемых умирающими, и некоторые из положений, добытых опытным путем и постулируемых в подобной литературе, с недавних пор начали

получать неожиданное подтверждение в ходе современных клинических и лабораторных исследований. Возможно, что в не слишком отдаленном будущем эти постулаты будут заново сформулированы в сегодняшней терминологии.